

Последний полет ласточки Полесья. Евгения Янишиц // Рублевская, Л.И. Рифма ценово в жизнь: эссе по истории белорусской литературы / Людмила Рублевская. – Минск: Издательский дом «Звязда», 2013. – С.265-267.- (Беларусь: вчера и сегодня)

Последний полет ласточки Полесья

Евгения Янишиц

(1948-1988)

*Мне ўсяго шаснацаць светлых вёснаў,
Будзе двацаць, будзе сорак пяць...*

Эти строки написала 16-летняя девочка из полесской деревни Поречье на тетради, которая предназначалась для самого заветного — стихов. На обложке с портретом Янки Купалы так и написано твердым, уверенным почерком отличницы: “Для вершаў”.

Девочка не знала, что 45 лет ей не будет никогда.

20 ноября 1988 года ей исполнится 40, а еще через 5 дней она упадет из окна только что полученной квартиры на 8-м этаже престижного дома на улице Сторожевской в Минске.

Уйдет из жизни, останется в литературе, в памяти, в легенде.

Литература нуждается в мифах. Иногда мифы появляются на свет, так сказать, “запланированно”, дабы привлечь интерес общественности к герою.

Но, как известно, самый невероятный (и жестокий) выдумщик — сама жизнь.

А жизнь юной полешушки Жени Янишиц складывалась вполне благополучно. Уже в детстве девочка заставила говорить о себе. В четвертом классе она к празднику 8 Марта написала стихотворение про маму, и школьные учителя перекопали книжки и журналы, пытаясь угадать, откуда ребенок “заимствовал” произведение. Ну а когда самые отъявленные скептики уверовали в талант юной землячки, Женя Янишиц становится гордостью школы и вообще своей “малой родины”. Со временем, кроме выступлений в районке, появляются публикации в республиканских изданиях. Женя очень активна, стихи просто льются из нее.

*Каб не кідаць марна
Мне на вечэр слоў,
Я бяру упартага
Сцежску без слядоў.
Пракладу да мэты
Я свае сляды,
Каб на сцежсы гэтай
Расцвілі сады.*

Эти строки написаны в 1964 году, когда Янишиц еще училась в школе, но в них уже чувствуются романтика «шестидесятников» и целеустремленность творческой натуры. Юная поэтесса участвует во всевозможных литературных конкурсах, побеждает. На подрастающий талант обращают внимание «литературные зубры» — и Жене открыта дорога в литературу. Ее принимают на филфак БГУ, в 20 лет издается первая книга, критики наперебой высказывают мнение разной степени восторженности... К испытанию «медными трубами» юное дарование готово — ведь все шло к этому! Евгения Янишиц, «палеская ластаука», автор проникновенных, очень светлых лирических стихов, входит в культурный бомонд республики. «Напэуна, шчасце ў мяне не па ўзросту» — эта строка из первой книги.

Когда поэтесса выходила замуж за поэта Сергея Панизника, красавца-военного, это стало событием республиканского масштаба. Свадебная фотография была напечатана в газете «Літаратура і мастацтва», на застолье присутствовала вся литературная элита. Молодожены уезжают в Чехословакию, где в то время проходил службу Сергей Панизник Рождается сын Андрей.

Существует предрассудок — мол, две творческие натуры не могут ужиться под одной крышей. Мне самой довелось придумать немало вариантов ответов на вопросы подобного рода. Главное — понять, что женятся не два поэта, не два инженера либо учителя — Он и Она, мужчина и женщина, обладающие характерами разной степени сложности и разной степени готовности к компромиссам (а ведь что такая супружеская жизнь, как не Большой Компромисс!). Иное дело, что творческие натуры к компромиссам менее склонны, да и пристальное внимание публики к звездной чете оказывает такое же губительное влияние на семейную гармонию, как недобрый взгляд на младенца.

Евгения Янишиц остается одна. У нее есть ее поэзия и сын. И — наша «благословенная» литературная среда.

Между тем творческая карьера, не в пример личной жизни, складывается удачно. Янишиц — депутат райсовета Советского района города Минска, член правления и президиума Союза писателей БССР, в 1981 году принимает участие в работе Генеральной Ассамблеи ООН. Одна за другой выходят книги, ее приглашают в интересные поездки. В 1978 году поэтесса становится лауреатом премии Ленинского комсомола Белоруссии за книгу лирики «Дзень вечаровы», в 1986-м — лауреатом Государственной премии БССР имени Янки Купалы за книгу стихов «Пара любові жалю». И все это — в довольно молодом возрасте. Какой удачливой она казалась, наверное, со стороны!

Чем отдаленнее событие во времени — тем больше появляется версий, тем плотнее романтический флер, сквозь который мы его созерцаем. «Не уберегли» — сакральное воскличание всех времен и народов. Но можно ли уберечь от душевной боли, от невидимых травм? Один литератор, весьма поверхностно знакомый с Янишиц, всерьез уверял меня, что косвенно виноват в ее смерти, — постеснялся подъехать, поговорить по душам, повлиять... Как будто кроме него это некому было сделать, как будто его слова имели вес больший, чем кого-либо! Да не так все безнадежно — у поэтессы оставались хорошие друзья, близкие люди, которые ее любили... Другому одного этого хватило бы, чтобы найти силы жить.

Евгения Янишиц
в Чехословакии

Через пять лет после смерти Евгении Янишиц мне довелось беседовать с ее матерью, Марией Андреевной. Вот строки из того давнего интервью о том, какой видела поэтессу ее мама: «Як яе пакрыўдзяць — магла плакаць тры дні. Вельмі была датклівая. Такой і засталася. Сама нікога б не пакрыўдзіла, але калі яе пакрыўдзяць — не знайдзе спакою нідзе. Яе талент быў як калючы дрот для некоторых, аб яго яны калоліся. А ў самой не было абароны».

*Што ж, і сама я зразумела:
На вуснах з горыччу святла
Жыву няутульна і няумела
З нязменнай прагаю крыла.*

Разумеется, окружающие замечали неладное. Незадолго до смерти поэтессы стала ходить во всем черном, вела странные разговоры — словно прощалась. Попрощалась и с нами, со мной и моим мужем. Пожелала держаться друг за друга, потому что верить чужим нельзя, вокруг много врагов. На книжке, подписанной за день до смерти, слова: «Шчырым, таленавітым майм таварышам-паэтам — Віктару і Людміле Шніпам — з пажаданнем вялікіх творчых поспехаў, шчасця у сям’і ды ладу, святла і любові! Шчыра — Ваша Яўгенія Янішчыц».

А через день — страшная весть, по иронии судьбы долетевшая до нас из Москвы, — коллега-поэт позвонил спросить, правда ли, что Янишиц больше нет?

Такие события нельзя предвидеть, наверное, просто потому, что не допускаешь их возможности. Когда приехала «скорая», поэтесса была еще жива. Но — асфальт, чуть прикрытый первым снегом, восьмой этаж...

Версий было достаточно. Разумеется, говорили об одиночестве, неудавшейся личной жизни. О том, что роковую роль сыграло то, что поэтесса уверовала, будто добилась в литературе всего возможного, и поэтому решила уйти на покой — вечный. Сплетничали, разумеется, и о несчастнойтайной любви.

*А вечарам, на схіле зоркі,
Прымоіцца ў пустым акне,
Што клічаши ты не ценъ мой горкі,
А з жыста — жытнью! — мяне!*

Удивительно, но у женщины, обладавшей «по жизни», видимо, трагическим мироощущением, стихи в большинстве очень светлые, даже если — о грустном. У поэзии Евгении Янишиц и сегодня много поклонников. Но что еще написала бы Женя, задержись она на подоконнике жизни? 1988 год — только начало перемен в обществе, в политике, в сознании. Наверное, нашла бы для себя новые темы, по-новому осмыслила бы многое. Незадолго до смерти она попробовала писать прозу... И, возможно, расстановка сил на сегодняшнем отечественном литературном Олимпе выглядела бы иначе.

Но случилось то, что случилось.

*Ужо ні гром, ні бура не лякае,
Не ўзяць мяне ў абдойміічы тузе.
Вось лапічак зямлі маёй, якая
На песні узышла, як на слязе.*